

admittedly comes perilously close to promoting ethical relativism, where “anything goes”. If the serial killer *chooses* to take others’ lives and believes his actions are good according to his/her ethical code, *then they are good*, if ethical relativism holds true.

Ethical relativism maintains that no moral absolute exists (i.e., moral philosophy is impossible), so *any* ethical norm can be correct (i.e., “good for you”), provided you *choose* to regard it as good. This amounts to the view that every code of ethics is mistaken; the problem it faces is that it *is* a moral philosophy. Despite its resemblance to the position I am defending here, the two are almost diametrically opposed. Ethical relativism is actually closer to ethical absolutism, the moral philosophy that upholds one ethical code as itself the true and absolute basis for moral philosophy: both deny my claim, that there *is* a moral absolute but that we are *ignorant* of it, and that the only wise response to our ignorance is to adopt the rational principle of *maximizing freedom* in constructing one’s ethical standards.

If maximizing freedom is the absolute moral principle, then how is moral *judgment* possible (by us or by God)? It is possible if moral judgment is based entirely on one’s self-consistency. Hypocrisy would therefore be the only unforgivable sin. Judging others by one’s own standards is unforgivable not because God has set up an ethical code that forbids hypocrisy and anyone who breaks that code will be found guilty by God. Rather, it is unforgivable because, if God judges us by *our own*, self-chosen rules, and if we do not follow them, then – regardless of what ethical norms we may uphold – we have found *ourselves* guilty. If being moral means freeing others to be ethical in their own way, then the only way to judge others (consistently) is to assess them in the way Jesus suggests (in Matt. 7:1-2) God will judge us: by holding others to their *own* standards, insofar as we can ascertain them.

Стивен Палмквист¹

Когда бы вневременная неосязасмая сущность человеческой рациональности ни пересекалась с преходящими и слишком материальными деталями исторического развития человека, неизбежно проявляется (по крайней мере идеально)

---

¹ Стивен Р. Палмквист — профессор отделения религиоведения и философии в Гонконгском баптистском университете, где он преподает с момента получения докторской степени в Оксфордском университете в 1987 г. В сферу его исследовательских интересов входит гносеология Канта, философия религии и архитектурника системы Канта. Его более чем 100 публикаций, среди которых девять книг и множество статей, посвящены главным образом Канту.

одна из двух реальностей, в зависимости от того, какая именно из них оказывает определяющее влияние на экзистенциальную ситуацию. Когда доминирует исторически-преходящая траектория, определяющая направление рациональности, высшую цель составляет теоретическое/научное знание. Когда доминирует рационально-вневременная траектория, и разум создает свой собственный объект независимо от исторически-преходящих деталей, высшую цель составляет мораль. Другими словами, ситуация становится моральной, когда человек (люди), вовлеченный(е) в нее, применяет(ют) рациональные принципы в качестве таких, которые в определенном смысле заменяют законы природы.

То, что делает хорошим *человека*, отличается от того, что делает хорошим *выбор* или *действие*. Первое определяется моральным принципом, поддерживающим характер. Хороший выбор – тот, который совместим с принятыми *этическими нормами*. А хорошее действие – такое, которое соответствует *легальным предписаниям (legal regulations)*. Термины «моральный» и «мораль» здесь относятся к применению *общего рационального принципа* для определения формальной структуры того, что делает любой и каждый выбор человека или действие добрым или злым, правильным или неправильным. «Этический» и «этика» здесь относятся скорее к применению *конкретных, эмпирически ориентированных правил* (например, кодекса поведения) для определения того, как человек принимает решение действовать в конкретных случаях.

Парадокс, лежащий в основе ситуации человека, состоит в том, что мы стремимся к *моральной добродетели (goodness)* (т.е. абсолютной, рациональной чистоте принципа), а для того, чтобы осуществить наш моральный принцип, должны интерпретировать и применять его в форме различных *этических правил* (т.е. конкретных предписаний, которые применяются в нашем особенном контексте или ситуации), хотя этические правила (по определению) не могут функционировать в качестве моральных принципов. Это парадокс, поскольку, если мы *сводим* моральное к этическому, рассматривая *только один комплекс этических норм* в качестве абсолютных, тогда мы не можем больше следовать надлежащим правилам (и тем самым совершать *поступки*, которые кажутся правильными), теряем из вида принцип (и тем самым оказываемся неспособными быть хорошими *людьми*). Если мы *не сводим* моральное к этическому, мы вообще не можем выбрать действие, предавая себя милости сил природы, которые могут предлагать нам полезные (научные) инструменты для жизни, но необязательно ведут по траектории морали.

В этом и состоит проблема, с которой сталкивается каждый, кто осмеливается занять моральную позицию: мы должны принять *свободу*, которая составляет

суть человеческого разума без того, чтобы стать *рабами* комплекса предустановленных этических норм. Ирония состоит в том, что без формулирования *некоторых* этических правил мы оказываемся парализованными страхом нарушения нашего морального принципа, поскольку эти правила формируют основу действия в конкретных ситуациях. И наоборот, принятие на себя обязательств следовать определенным этическим правилам как *добру* (good) чревато *идолопоклонством* – возвышением этического кодекса в целом или каких-либо конкретных этических правил (этического правила) до статуса морального абсолюта. Свободе необходимо ограничение, чтобы не превратиться в необузданность¹.

Лучшая защита от обожествления этики – признать в качестве основания моральной философии принцип-ограничение – теоретическое незнание: *мы не знаем в чем состоит абсолютная моральная добродетель*, следовательно, мы должны освободить себя и других от всякой презумпции знания. Ирония состоит в том, что осознание собственного незнания, принципа, который *делает* нечто добром, представляет единственную жизнеспособную альтернативу размещению этических правил на этой позиции: *только лишь абсолютные моральные принципы делают свободу максимальной*.

Может показаться, что принцип незнания принципа противоречит общему представлению о том, что Бог определяет, что есть моральное. Однако, если мы и можем с уверенностью сказать что-то о Боге (оставим все религиозные допущения, относящиеся к возможным откровениям, и будем судить только лишь исходя из исторических свидетельств), так это то, что Бог не открывал всему человечеству «абсолютный» этический стандарт, *единный* кодекс, который каждый может без всяких сомнений применять для определения *содержания* всех решений и действий. Вероятно, это можно объяснить именно тем, что Бог предоставил нам свободу выбирать то, что мы должны делать в каждой ситуации. Если это так, тогда единственный способ принять «божественную мораль» (т.е. «уподобиться Богу») – значит увидеть исчерпывающее содержание абсолютного морального принципа в максимальной свободе от этического суждения.

Упомянутый выше парадокс имеет для философски мыслящих людей то же значение, какое имеет для любого религиозно чуткого и честного человека незнание о действиях, которых от нас ждет Бог (или даже о том, существует ли Бог): он порождает кризис, в силу которого задача ответа на моральный во-

---

¹ См.: Palmquist S. The Tree of Philosophy : A Course of Introductory Lectures for Beginning Students of Philosophy (Ch. 7). Hong Kong : Philosophy Press, 2000.

прос кажется безнадежной. Решению этой экзистенциальной дилеммы поможет сформулированное ранее различие между моралью и этикой, хотя следует признать, что оно опасно близко подводит к этическому релятивизму, когда «все дозволено». Если серийный убийца решает лишать жизни людей и верит в то, что его действия являются надлежащими в соответствии с его этическим кодексом, *тогда они действительно являются надлежащими* при условии истинности этического релятивизма.

Этический релятивизм утверждает, что не существует никакого морального абсолюта (т.е. моральная философия невозможна), поэтому *любая* этическая норма может быть правильной (т.е. «надлежащей для вас») при условии, что вы *решили* считать ее надлежащей. Такая позиция равнозначна представлению о том, что любой этический кодекс ошибочен. Проблема, с которой это представление сталкивается, состоит в том, что это и *есть* моральная философия. Несмотря на его сходство с позицией, которую я здесь отстаиваю, они почти диаметрально противоположны. Этический релятивизм в действительности ближе этическому абсолютизму – моральной философии, которая придерживается этического кодекса, считая его истинным, абсолютным основанием моральной философии: оба подхода отрицают мое утверждение, которое состоит в том, что моральный абсолют *существует*, но мы его не знаем, и в том, что единственным мудрым ответом на наше незнание будет принятие рационального принципа *максимизации свободы* при конструировании собственных этических стандартов.

Если максимизация свободы есть абсолютный моральный принцип, тогда как возможно моральное *суждение* (наше или Бога)? Оно возможно, если моральное суждение основано исключительно на внутренней последовательности. Лицемерие (hypocrisy) тогда было бы единственным непростительным грехом. Судить других по своим собственным стандартам непростительно не из-за того, что Бог установил этический кодекс, запрещающий лицемерие, и любой, кто нарушает его, будет признан Богом виновным. Оно непростительно, поскольку Бог судит нас по нашим собственным, избранным нами самими правилам, и когда мы не следуем им, сами (безотносительно к тому, каких этических норм мы можем придерживаться) считаем *себя* виновными. Если моральность означает предоставление другим свободы быть этичными по своему собственному выбору, тогда единственный способ судить о других (последовательно) тот, по которому, как говорит Иисус (Мф. 7: 1–2), нас будет судить Бог: требовать от других соблюдения их *собственных* стандартов в той мере, в какой мы можем их распознать.

Перевод с английского О. Артемьевой